

А. П. Каждан

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ*

Вопрос о падении рабовладельческой системы хозяйства и становлении нового, более прогрессивного, феодального способа производства — один из самых сложных вопросов, стоящих перед советской исторической наукой. Мы должны рассматривать процесс складывания феодального способа производства как процесс экономический, т. е. такой процесс, который не может быть сведен только к прямому насилию, к расширению вотчин знати и монастырей за счет мелкого и среднего землевладения, к закреплению свободных крестьян и арендаторов, к распространению патроната, частной юрисдикции, вотчинных тюрем и иных форм внеэкономического принуждения. В центре нашего внимания должно стоять вырождение старого способа производства, основанного на рабском труде, и созревание экономических предпосылок нового, феодального строя, основанного на эксплуатации непосредственного производителя, наделенного условиями производства. Процесс становления феодальных отношений выступает как прогрессивный процесс, ибо он приводит к созданию новых, более передовых форм собственности и в соответствии с этим новых форм эксплуатации непосредственных производителей¹.

При этом необходимо учитывать, что различные общественные формации подчиняются в своем экономическом развитии не только таким экономическим законам, которые общи для всех формаций, но и специфическим экономическим законам каждой социально-экономической формации². Следовательно, и переход от одной общественной формации к другой имеет в каждом конкретном случае специфические черты. Поэтому мы должны учитывать не только действие общих для всех формаций

---

* В дискуссионном порядке. См. ст. Е. М. Штаерман, Проблема падения рабовладельческого строя, ВДИ, 1953, № 2.

¹ Совершенно по-другому подходит к этому вопросу буржуазная историография, которая рассматривает становление феодального общества как возвращение вспять, к примитивным формам хозяйственной жизни: М. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonats Lpz. — Berl., 1910 стр. 404; F. H e i c h e l h e i m, Welthistorische Gesichtspunkte zu den vormittelalterlichen Wirtschaftsepochen, «Schmollers Jahrbuch», 56 (1932), стр. 1034.

² См. И. С т а л и н, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 71.

экономических законов, но и конкретно-историческое своеобразие процесса становления феодализма.

Падение рабовладельческого способа производства, как известно, было обусловлено исторической ограниченностью этого типа производственных отношений. На определенном этапе развития классового общества рабство сыграло прогрессивную роль. «Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры»¹. Однако дальнейшее развитие производительных сил приводит к кризису рабовладельческих производственных отношений. Рабство в конечном счете превращается в оковы производства, в помеху для развития производства. «...Рабство, — говорит Ф. Энгельс, — сделалось экономически невозможным...»².

На определенном этапе исторического развития противоречие между старыми производственными отношениями и новым уровнем производительных сил обрекает на гибель рабовладельческий мир; в то же время экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил постепенно пробивает себе дорогу уже в недрах рабовладельческого общества, где начинают формироваться новые общественные отношения, покуда «коренная революция»³ не опрокидывает отживающие силы старого общества, открывая тем самым дорогу для победоносного шествия феодализма.

Переход к феодализму совершался не в результате постепенного саморазвития экономических форм, как это, например, рисует Ф. Эртель⁴, — он был осуществлен в борьбе с отживающими силами рабовладельческого общества.

Исследования советских ученых (В. С. Сергеева, А. В. Мишулина, Н. А. Машкина, А. Б. Рановича, Н. В. Пигулевской, М. В. Левченко, Е. М. Штаерман и многих других) позволяют в настоящее время представить основные моменты процесса становления феодальной системы хозяйства в недрах рабовладельческой формации, вскрывают прогрессивность перехода от рабовладения к феодализму. Е. М. Штаерман в статье «Проблема падения рабовладельческой формации», опубликованной в предыдущем номере ВДИ, предприняла попытку дать обобщающую характеристику этого процесса. Е. М. Штаерман считает, что кризис рабовладельческой системы, который начался в конце II в., уже в III столетии привел к поражению «старых рабовладельческих групп» (стр. 77). В IV в., по мнению автора, «рабовладельческая собственность потерпела окончательное поражение» (стр. 60). На смену рабовладельческой собственности уже в недрах Римской империи приходит феодализирующаяся собственность земельных магнатов. «Растущей и крепнущей формой собственности была собственность земельных магнатов, которая противостояла рабовладельческой собственности» (стр. 62). Эту феодализирующуюся знать автор рассматривает как передовой класс (стр. 63), считая, что на определенном этапе она находилась «в одном лагере со своим антагонистическим классом», с формирующимся классом феодально-зависимого крестьянства (стр. 78).

Мне кажется, что в интересной статье Е. М. Штаерман имеются некоторые внутренние противоречия. Действительно, автор, хотя и счи-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 169.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 155.

³ Там же, стр. 155.

⁴ См. F. Oertel, SAN, XII, стр. 280 и сл. Ср. также A. Calderini, La crisi del III secolo D. Cr., Milano, 1945, стр. 182.

тает магнатов передовым классом, указывает в то же время, что в наиболее полной ликвидации рабовладельческой собственности была заинтересована масса крестьянства — «зависимых земледельцев» (стр. 55; ср. стр. 63).

Далее. Хотя автор и признает наличие известной разницы в организации производства на землях магнатов и куриалов, однако основное разграничение она проводит по иной линии, считая, что муниципальное землевладение было ограничено «коллективом рабовладельцев» (стр. 70), тогда как магнатское землевладение являлось так сказать экзимирированным. «Феодализация шла, — прямо говорит автор относительно восточных провинций, — не столько по линии коренного изменения типа хозяйства, сколько по линии борьбы частной и полисной собственности» (стр. 75)¹.

Однако возникает вопрос, в какой степени правомерно считать полисную форму собственности коренной, существенной чертой рабовладельческих производственных отношений? Вряд ли это возможно, ибо сущностью этих последних является «... собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба...»². Состояние производственных отношений в антагонистических формациях отвечает на вопрос, в чьем распоряжении находятся средства производства, в распоряжении каких лиц, групп, классов, но не на вопрос, как и на каких правах они распределяются среди господствующих групп и классов. На наш взгляд, полисный строй и полисную собственность в такой же степени нельзя считать сущностью рабовладельческих отношений, в какой феодально-ленная система не может рассматриваться в качестве основы феодализма.

Следовательно, борьба, которая действительно шла между крупными магнатами и куриалами, борьба, которая в значительной мере содействовала упадку муниципального (полисного) строя в III в., вряд ли знаменовала крушение рабовладельческой собственности и рабовладельческой формы эксплуатации трудящихся, подобно тому как крушение феодально-ленной системы еще не означало падение феодализма.

Далее автор уделяет недостаточное внимание вопросу о формировании в недрах рабовладельческого поместья самостоятельного хозяйства непосредственных производителей феодального типа, считая основой перехода от рабовладельческой виллы к «феодализирующейся» латифундии «расширение хозяйства за рамки некоего оптимального соотношения числа рабов и количества югеров земли» (стр. 67). «Концентрация земли и рабочей силы» (стр. 70) уже ведет, по мнению автора, к изменению «методов хозяйства», т. е. форм эксплуатации непосредственных производителей.

Таковы некоторые вопросы, на которые статья Е. М. Штаерман не дает, как мне кажется, достаточно ясных ответов. Это обстоятельство в значительной степени обусловлено состоянием источников. Хотя на первый взгляд может показаться, что мы располагаем немалым количеством разнообразных памятников, освещающих историю поздней Римской империи, однако содержащиеся в них данные об экономическом развитии общества весьма ограничены и скудны. Тот археологический материал, который может быть привлечен для характеристики развития орудий

¹ В соответствии с этим автор характеризует на стр. 77 правление Константина. Хотя Е. М. Штаерман признает, что законы Константина были направлены «на усиление власти господина над рабом», она отказывается видеть в деятельности этого императора проявление рабовладельческой реакции, так как он не поддерживал муниципального землевладения. Следовательно, отношение к формам земельной собственности автору представляется более существенным, нежели отношение к рабам.

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, Госполитиздат, 1952, стр. 594.

труда, является в настоящее время еще спорадическим и случайным; письменные источники в большинстве случаев либо бегло затрагивают интересующую нас проблему (таковы нарративные памятники, письма, речи и т. п.), либо представляют собой сборники юридических норм, которые по самой своей природе дают несколько искаженную картину действительности, приспособленную к определенным декларативным задачам. И только надписи и папирусы открывают перед исследователем возможность познакомиться с подлинным положением непосредственных производителей, но эти источники — при всем их изобилии — почти всегда остаются материалом эпизодическим, освещающим данный конкретный факт, которому далеко не всегда можно придать обобщающее значение. Историк, исследующий проблему падения рабовладельческого способа производства, почти никогда не располагает массовым материалом, позволяющим строить широкие, основанные на статистических выкладках выводы — и поэтому его заключения сплошь да рядом остаются гипотетическими и спорными.

Последнее замечание в полной мере относится и к данной статье, которая отнюдь не претендует на какое-либо окончательное решение проблемы, на ее всестороннее освещение¹. Мне бы хотелось лишь обратить внимание на некоторые стороны этой проблемы, остающиеся нередко в тени.

В настоящее время можно считать несомненным фактом, что с конца II в. н. э. Римская империя была охвачена экономическим кризисом, который привел к росту цен, запустению земель, упадку городов, обнищанию населения. Однако историческая литература почти совершенно не уделяет внимания тому подспудному и, на первый взгляд, мало заметному явлению, которое на деле играло первостепенную роль, — росту производительных сил. Буржуазная историография, разумеется, даже и не ставит этой проблемы, ибо в большинстве случаев буржуазные античники не видят в экономической жизни поздней империи чего-либо, кроме упадка; те же из них, кто говорит о расцвете отдельных провинций под «мудрым» правлением деспотических императоров IV в., видят в этом «расцвете» не возникновение качественно новых явлений, но лишь с о х р а н е н и е античной цивилизации. Только в советской историографии был поставлен вопрос о прогрессивном развитии производительных сил в период империи. В этом отношении наиболее интересной является работа А. В. Арциховского «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий»², где автор исследует изменение формы римского плуга, что явилось, по его мнению, предпосылкой для перехода от рабства к колонату. Со времени выхода в свет работы А. В. Арциховского прошло много лет, и накопленный материал позволяет теперь развить и уточнить сделанные им выводы.

Существенным усовершенствованием сельскохозяйственной техники было изобретение нового типа плуга, имеющего передок с колесами, двойные отвальные доски, резец, ярмо с вращающимся дышлом и новую форму лемеха. Самый факт изобретения нового типа плуга не подлежит сомнению, однако необходимо выяснить, насколько широко распространилось новое изобретение. Прямые известия об усовершенствовании античного плуга очень скудны. Плиний Старший (NH, XVIII, 172—173) отмечает, что в Ре-

¹ В частности, в статье не затронут важный, но плохо исследованный вопрос об экономической роли города на последнем этапе существования рабовладельческой формации.

² «Труды социологической секции РАНИОН», I (1927). Ср. также В. С. Сергеев, Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи, ВДИ, 1938, № 3, стр. 121 сл.

тии н е д а в н о стали применять плуг, который был снабжен парой колесиков (*rotulas*) и имел широкий лемех; в такой плуг надо было впрягать две-три пары волов. Таким образом, свидетельство Плиния позволяет довольно точно датировать появление колесного плуга началом I в. н. э.; при этом плуг этого типа был распространен в Ретии, что, может быть, связано с особенностями почвы в этой области. Неясное выражение Вергилия (*Georg.*, I, 174): *stivae, quae currus a tergo torqueat imos*, вряд ли можно рассматривать как свидетельство о существовании колесного плуга в I в. до н. э. Плиний, который хорошо знал «Георгики» (см., например, NH, XVIII, 181 и 187), не мог бы назвать изобретение колесного плуга «недавним», если бы *currus* Вергилия можно было понимать как плуг с передком. Второе прямое свидетельство о существовании колесного плуга — это замечание грамматика Сервия (около 400 г. н. э.), который писал в комментариях к «Георгикам», I, 174, что на родине Вергилия плуги снабжены колесами (*«currus» autem dixit propter morem provinciae suae, in qua aratra habent rotas, quibus juvantur*). Такое осмысление слова *currus* принадлежит самому Сервию, который, несомненно, был знаком с применением колесного плуга, однако весьма существенно, что Сервий ограничивает распространение этого типа плуга сравнительно узкими территориальными рамками (*propter morem provinciae suae*).

Таковы немногочисленные свидетельства об усовершенствовании античного плуга. В то же время мы располагаем прямыми данными о сохранении в некоторых провинциях плугов старой системы. Так, изображение плуга на надгробии из Мезии¹ свидетельствует, что здесь и во II в. н. э. сохранялся плуг с подошвой и грядилем, не имеющий колес. Плуг, не имеющий колес, применялся повсеместно на протяжении всего раннего средневековья². Это обстоятельство заставляет нас внести определенные коррективы в наблюдения А. В. Арциховского. Разумеется, изобретение колесного плуга, распространившегося далеко не повсеместно, не могло быть причиной перехода к колонату, хотя, конечно, применение этого плуга в Ретии, а позднее и в Сев. Италии, несомненно, содействовало повышению производительности труда. Такой плуг делал ненужной многократную вспашку почвы, значительно сокращал труд по окучиванию посевов и, в конечном счете, приводил к увеличению урожайности при сокращении времени, необходимого для обработки земли.

Плуг не был единственным усовершенствованием в римской сельскохозяйственной технике периода империи. Плиний (NH, XVIII, 296) рассказывает, что в галльских латифундиях применялись специальные приспособления для уборки урожая, которые состояли из короба на двух колесах и рабочего края с укрепленными на нем зубцами; бык толкал этот короб сзади, и срезанные зубцами колосья падали вовнутрь. Широкое распространение этих жаток в Галлии IV в. засвидетельствовано Палладием (VII, 2). Впрочем, применение таких жаток уживалось с самыми примитивными способами уборки урожая. Тот же Плиний (NH, XVIII, 297) отмечает, что просо в Галлии убирают вручную, выдергивая метелку за метелкой.

В. С. Сергеев причисляет к изобретениям эпохи империи «механизированную молотилку» (*plustellum roenicum*)³, однако вряд ли мы можем считать это изобретение римским: применение молотильных досок было

¹ Т. Д. Златковская, Мезия в I—II вв. нашей эры, М., 1951, стр. 92, рис. 12.

² См. Е. Э. Мишиц, Византийское крестьянство и славянская колонизация, «Византийский сборник», М.—Л., 1945, стр. 107; Ch. P a r a i n, «Cambridge Economic History», т. I, 1942, стр. 140.

³ В. С. Сергеев, ук. соч., стр. 122. См. подробно RE, s. v. tribula.

известно уже в эллинистических государствах¹. Все же, повидимому, именно в первые века нашей эры «молотилка» получила относительно широкое распространение: о ней говорит Сервий в комментариях к Georg., I, 164; образец такой молотилки, найденный в Египте, датируется около 600 г. н. э.²

Гораздо более существенное значение имело широкое распространение водяных мельниц. Водяная мельница — изобретение эллинистического времени (Strabo, XII, 556; Ant. Pal., IX, 418); особенно подробно она описана Витрувием (X, 5, 2). Однако до IV в. ее применяли сравнительно мало — жернова приводили в движение либо рабы, либо рабочий скот. Об этом свидетельствует известное описание мельницы в «Метаморфозах» Апулея и, что особенно существенно, рассказ церковного историка Сократа (V, 18). По его словам, римские хлебопеки конца IV в. похищали людей и заставляли их работать на своих мельницах³.

Но уже с IV в. водяная мельница постепенно вытесняет человеческий труд по размолу зерна. Авсоний (Mos., 362) упоминает о водяных мельницах в долине Мозеля; применение водяной мельницы знакомо и Палладию (I, 41)⁴. Существенное усовершенствование в устройство водяных мельниц было внесено в VI в., когда стали сооружать пловучие мельницы, не зависевшие от спада воды в реке⁵.

Специфическое совершенствование сельскохозяйственной техники имело место в Египте: здесь в VI в. сравнительно широко стали применяться *μηχανή* для поливания полей⁶. О внимании к вопросам ирригации в византийском Египте свидетельствует строительство нового ниломера⁷. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что развитие производительных сил в Египте не совершалось гладко и постепенно. С середины III в. н. э. Египет был охвачен кризисом, который сказался прежде всего в Фаюме⁸. Папирусы из Теадельфии рисуют упадок оросительной системы, запустение хозяйств и уменьшение численности населения⁹. Только в VI в. этот кризис до некоторой степени был преодолен, и прежде пустовавшие земли вновь стали возделываться.

Рост производительных сил выражался не только в появлении новых орудий труда, но и в совершенствовании опыта, в распространении трудоемких культур, требующих значительной квалификации работника производства. В период империи мы можем наблюдать в отдельных провинциях вытеснение зернового хозяйства более интенсивным садоводством и виноградарством. Даже в Ахайе, которая, как известно, переживала в I—II вв. период экономического упадка, мы можем наблюдать распространение интенсивного виноградарства и разведения оливы вблизи от городов; судя по указу императора Адриана, оливковое масло было предметом вывоза из Аттики¹⁰. Сходным, повидимому, было развитие Киренаи-

¹ М. Э. Матъе («Очерки по истории техники древнего Востока», М.—Л., 1940, стр. 268) указывает, что молотилка («норат») появилась в Египте по крайней мере в III в. до н. э.

² Там же, стр. 268. Ср. Кирилл Александрийский, PG, 70, стб. 838.

³ О рабах, посылаемых на мельницу, говорит и Либаний (Or. XXV, 13).

⁴ Ср. также СTh, XIV, 45, 4; CIL, VI, 1711; Cassiod., Var., III, 31, 2. См. RE, s. v. Моль, стб. 1067. Они появляются также и в Англии, E. Demougeot, De l'unité à la division de l'empire Romain, P., 1951, стр. 52.

⁵ Procop., De bell. Goth., I, 19, 20.

⁶ A. C. Johnson — L. C. West, Byzantine Egypt, Princeton, 1949, стр. 11.

⁷ М. Э. Матъе, ук. соч., стр. 259.

⁸ A. C. Johnson, The *ἐπιβολή* of land in Roman Egypt, «Aegyptus», 32 (1952), стр. 67 сл.

⁹ P. Thead. 16 (307 г.). Ср. P. Oxy. 1409 (278 г.). См. F. Oertel, SAN, XII, стр. 268 и 276.

¹⁰ О. В. Кудрявцев, Герод Аттик и социальная борьба в Афинах, ВДИ, 1951, № 3, стр. 59 сл.

ки, которая некогда являлась одним из важнейших центров зернового хозяйства; в IV в. здесь, насколько можно судить по письмам Синесия, основную роль в хозяйстве играет скотоводство (Ерр. 129 б и 109), а также производство вина и оливкового масла (Ерр. 67).

Даже в Африке, которая продолжала оставаться житницей Рима еще и в IV в., мы можем наблюдать аналогичный процесс. Надписи свидетельствуют, что время от времени африканские города испытывали нехватку хлеба¹, и в то же время в разных областях северной Африки распространялись оливки. Если Плиний (NH, XV, 8) указывал, что Африка производит сравнительно мало вина и оливкового масла, то со II в. оливковые насаждения появляются в таких областях, которые при Плинии еще казались непригодными для оседлой жизни². Когда арабы завоевали Африку, им казалось, что эта страна обязана своим богатством оливке³. Распространение виноградарства можно наблюдать в это время в Далматии, Паннии, Мезии, в долине Мозеля и даже в Англии.

Такое вытеснение зернового хозяйства интенсивным садоводством и виноградарством стало возможным и в известной мере было обусловлено прогрессом земледелия у северных соседей империи. Изучение памятников культуры «полей погребений» показывает, что славяне в первые века нашей эры значительно усовершенствовали технику сельского хозяйства, производили хлеб на продажу и получали в обмен римские монеты, находки которых весьма многочисленны⁴. Аналогичный процесс имел место и у германцев⁵.

В настоящее время мы еще очень далеки от того, чтобы нарисовать полную и всестороннюю картину развития производительных сил в Римской империи⁶. Однако и теперь уже можно говорить о наличии двух противоположных тенденций их развития. С одной стороны, империя переживала возврат земледелия к более низкому уровню⁷, сопровождавшийся распространением экстенсивного скотоводства и экономическим кризисом, голодовками и обнищанием трудящихся масс. Этот упадок земледелия и экономический кризис были обусловлены тем, что античное рабство пережило себя.

С другой стороны, чрезвычайно медленный, подспудный прогресс сельскохозяйственной техники, который выразился в распространении колесного плуга и некоторых сложных орудий («жатка», «молотилка» и т. п.), в развитии огородничества, виноделия и маслоделия, в сравнительно широком применении водяных мельниц, подготавливал становление нового способа производства. «Сначала изменяются и развиваются производительные силы общества, а потом, **в зависимости** от этих изме-

¹ Сводку африканских надписей о неурожае см. Н. А. М а н к и н, Из истории африканских городов во II—III вв. н. э., ВДИ, 1951, № 2, стр. 80, прим. 4.

² Многочисленные находки прессов для выжимания оливки отмечены у S. G e l l, Atlas archéologique de l'Algérie, Alger — Paris, 1911. См. R. M. H a y w o o d, ESAR, IV стр. 45.

³ A. S c h u l t e n, Das römische Africa, Lpz. 1899.

⁴ М. А. Т и х а н о в а, Культура западных областей Украины в первые века н. э., МИА, 6 (1941); В. Д о в ж е н о к и М. Б р а й ч е в с к и й, О времени сложения феодализма в древней Руси ВД, 1950, № 8. О развитии зернового хозяйства в Крыму и на Кубани см. В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 351 и 370.

⁵ О привозе хлеба с севера (из Германии, Галлии, Паннии) см. C. I a u d i a n, In Eutrop., I. 404—409; A m b r o s., Ерр 18, 21.

⁶ Мы оставляем в стороне почти совершенно не разработанный вопрос об изменении ремесленной техники в период Римской империи. Отдельные замечания о прогрессивном развитии ремесла (в частности, художественного литья) в V—VII вв. см. Л. А. М а ц у л е в и ч, Погребение варварского князя в Восточной Европе, М.—Л., 1934, стр. 36, стр. 89 слл.

⁷ См. Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи..., стр. 154.

нений и соответственно с ними — изменяются производственные отношения людей, экономические отношения людей»¹. Этот медленный прогресс сельскохозяйственной техники приводил к необходимости повышения заинтересованности работника производства в своем труде; результатом этого процесса явилось то, что мелкое самостоятельное производство стало единственной выгодной формой земледелия.

Развитие производительных сил не протекало спокойно и гладко: оно наталкивалось на сопротивление старых производственных отношений, которые тормозили развитие материальной жизни общества. Нам следует теперь поставить вопрос, было ли это противоречие производительных сил характеру производственных отношений изжито до падения Римской империи или нет. Иначе говоря, вправе ли мы говорить о том, что рабский труд в конце империи перестал быть основой производства? ²

Данные памятников права, касающиеся рабства в период империи, были детально обработаны рядом исследователей и в последнее время — Е. М. Штаерман³. Из произведений юристов II—III вв. следует, что рабы в это время приобретают известные имущественные права и относительную правовую защиту. Можно привести, как это и делает Е. М. Штаерман, отдельные казусы, касающиеся богатых и влиятельных рабов, рабов, которые способны оплатить долги своего господина, рабов, имеющих своих рабов, и т. д. Эти замечания юристов находят подтверждение в данных надписей, свидетельствующих о наличии у рабов своей семьи, своего имущества (например, OGIS, 678; CIL, VIII, 1898 и др.).

Однако в какой мере мы можем обобщать эти наблюдения? Вправе ли мы говорить о «нивелировке сельского населения»⁴, о фактическом слиянии рабов и колонов? Ведь эти юридические казусы, равно как и надписи, упоминающие рабов, относятся в своем большинстве к рабам, занимающим исключительное положение, к узкой прослойке привилегированных рабов. Не в эпитафиях и не в решениях юристов следует искать ответа на вопрос о роли и месте рабского труда в период Римской империи, хотя, разумеется, самый факт появления привилегированных рабов следует считать симптоматичным.

Прежде чем перейти к рассмотрению немногочисленных данных о труде рабов во II—VI вв., я хотел бы указать на один чрезвычайно важный вывод, сделанный Е. М. Штаерман. Она совершенно справедливо отмечает, что степень развития рабовладения не была одинакова во всех провинциях империи; в частности, она считает, что в придунайских и прирейнских провинциях число рабов было сравнительно незначительно⁵.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 591—592.

² Именно так ставит вопрос Е. М. Штаерман, Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи, ВДИ, 1954, № 2, стр. 95 и 105. Наоборот, М. Я. Сюзюмов, Еще раз о юридических источниках для истории колоната, ВДИ, 1951, № 4, стр. 84 и сл., полагает, что феодализм не развился постепенно, в недрах античного мира, что класс феодально-зависимых крестьян в IV—VI вв. еще не сложился.

³ Е. М. Штаерман, ук. соч., стр. 86 слл.

⁴ Так — Е. М. Штаерман, К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи, ВДИ, 1952, № 2, стр. 113. Сразу же отмечу, что автор при анализе источников подчас вынужден искажать текст для доказательства этого тезиса. Так, Е. М. Штаерман (ук. соч., 112), доказывая, что свободные и рабы жили в одних и тех же поселениях, ссылается на «Метаморфозы» Апулея, где будто бы идет речь о виллке, влюбившемся в одну из свободных женщин, живших среди рабов. Однако Апулей, Met. VIII, 22, называет эту женщину *libera extraneaque*, т. е. свободная и чужая, подчеркивая как раз, что она не жила среди рабов. Тезис о совместных поселениях рабов и свободных оказывается подкрепленным несубсидиальным свидетельством источника.

⁵ Е. М. Штаерман, Рабство в III—IV вв. н. э., стр. 97—98. Несколько неожиданным только является утверждение автора, что цены на рабов в дакийских

Разумеется, относительная неразвитость рабовладельческих отношений в этих окраинных провинциях в III в. не может рассматриваться как результат кризиса рабовладельческой системы: здесь, в сравнительно отсталых областях, еще не сложилась рабовладельческая система, рассчитанная на производство прибавочной стоимости, и ведущей формой хозяйства оставалось мелкое и среднее свободное хозяйство с применением труда нескольких рабов.

То же самое можно сказать и относительно ряда восточных провинций. По мнению А. Б. Рановича¹, в Ликии и Памфилии рабский труд применялся сравнительно мало; столь же незначительно было и применение рабского труда в Верхнем Египте². Совершенно естественно, что материал, относящийся к этим провинциям, не проливает света на эволюцию рабовладельческой системы в Римской империи.

Для выяснения этого вопроса обратимся прежде всего к характеристике рабовладения в Римской Африке. Ценным источником для изучения положения в Африке II в. является «Апология» Апулея. В частности, Апулей свидетельствует о применении рабов для обработки земли (*ad agrum colendum*) (Apol., 17,1). Еще более интересен его рассказ об Эмилии Пудентилле из Триполи, которая подарила своим детям плодороднейшие поля, великолепное поместье (*grandem domum*), огромные запасы хлеба, вина, оливки, не менее 400 рабов, скот и т. д. (Apol., 93,4). Из всего контекста ясно, что речь идет о сельских рабах; перед нами — большое поместье, обрабатываемое трудом рабов. Сельские рабы сохранялись в Африке и позднее: африканские *mancipia rustica* упоминаются в СТh, X, 8,4 (346 г.?)³. О рабах часто упоминает Августин, однако из его слов мы не можем представить себе ту роль, которую они играли в хозяйстве начала V в. Во всяком случае чрезвычайно показательным его утверждение, что почти в каждом доме имеются рабы⁴. Еще более показателен рассказ жития Мелании Новой (начало V в.), которая владела обширнейшими поместьями не только в Африке, но и в других провинциях (в Сицилии, Испании, Галлии); житие говорит о тысячах рабов, которые трудились в поместьях Мелании⁵.

Разумеется, было бы совершенно неправильно подчеркивать только факт сохранения рабства и закрывать глаза на те изменения, которые оно переживало: источники сохранили известия, говорящие о новых чертах рабовладельческих отношений в Африке. Мы знаем о существовании здесь *casarii*, рабов, наделенных известным имуществом (СТh, IX, 42, 7, 369 г.). Это свидетельство подкрепляется данными надписей. Надпись CIL, VIII, 27550, относящаяся ко времени Септимия Севера, была поставлена на свой счет (*suo sumpto*) тремя братьями, которые называют себя императорскими *vernae*. Надпись CIL, VIII, 20578 является эпитафией некоего Таррация, отец которого был *casarius*; сам Тарраций назван *verna vectigalis*.

табличках конца II в. колебавшиеся от 250 до 600 денариев, были чрезвычайно высоки и во много раз превосходили цену на рабов в Африке. В действительности же средняя цена раба во II в. равнялась примерно 500 денариям, см. S. Gsell, *Esclavage rural dans l'Afrique romaine*, «Mélanges G. Glotz», P., 1932, т. I, стр. 399. Ср. В. Вестерман, *Рабство в Римской империи*, в кн. А. Валлон, *История рабства в античном мире*, Огиз, 1941, стр. 602 слл.

¹ А. Б. Ранович, *Восточные провинции Римской империи в I—III вв.*, М.—Л., 1949, стр. 91.

² M. G e l z e r, *Studien zur byzantinischen Verwaltung Aegyptens*, Lpz., 1909, стр. 67.

³ Ср. также *mancipia* в СТh, X, 1, 2 (319 г.)

⁴ A u g u s t., *Enarr. in psalm.*, 124, 7, см. S. Gsell, *ук. соч.*, стр. 400.

⁵ PG, 34, стб. 1230. См. S. Gsell, *ук. соч.*, стр. 402; Н. И. Львов, *Из истории кризиса Римской империи во второй половине V в. п. э.*, УЗ МПИ им. В. П. Потемкина, т. 13 (1950), стр. 8.

В то же время продажа детей в рабство (СTh, XI, 27, 2, 322 г.), обилие alumni — рабов из числа найденных детей, обращение в рабство ливийцев (August., Ep. 199) — все это свидетельствует об известной силе и стойкости рабовладельческих отношений. Мы не можем с точностью определить удельный вес рабского труда в Римской Африке II—V вв., но рабство, несомненно, сохранялось здесь в качестве уклада и его влияние сказывалось на всей организации производства.

Для характеристики аграрных отношений в Галлии IV в. первостепенное значение имеет сочинение Палладия Рутилия, изученное Е. М. Штаерман. Она убедительно показала, что ремесленники, птичники и скотники, о которых говорит Палладий, были рабами. Но кто же те rustici, которые выполняют основные работы в хозяйстве Палладия? В более ранней работе Е. М. Штаерман очень осторожно указывала, что их нельзя считать «рабами в классическом смысле», что это «могли быть» колонны или работники, оплачивавшиеся натурой¹. Гораздо решительнее она высказывает свое суждение в более поздней работе. «Ясно, — пишет она, — что эти rustici и есть колонны и крестьяне, по положению уже сблизившиеся с колоннами»².

Мне кажется, что Е. М. Штаерман в данном случае слишком смело истолковывает источник. Ведь она сама признает, что Палладий рекомендует не сдавать землю самостоятельным хозяевам и колонам, что работают rustici под наблюдением надсмотрщиков, что землевладельцу принадлежит не только инвентарь, но и одежда работников. Вряд ли из всего этого «ясно», что rustici Палладия были колоннами. Наоборот, мы должны прийти к выводу, что хотя и не все работники в описанном Палладием поместье являлись рабами, все же труд в нем был организован по старому принципу, и непосредственные производители — являлись ли они по своему правовому статусу рабами или нет — не имели своего хозяйства и не были, следовательно, мелкими самостоятельными производителями. Такое истолкование данных Палладия подтверждается и известием его современника Паулина из Пеллы, который рассказывает (Eucharisticus, 187 и слл.), что в его поместье трудились рабы, побуждаемые, по его словам, примером господина, а то и понуждаемые против воли его суровостью. Следовательно, поместье Паулина не представляло собою комплекса самостоятельных хозяйств зависимых и полузависимых людей, но латифундию, обрабатываемую рабами, принуждаемыми к труду против их воли, не заинтересованными в производстве.

Памятники V в. также свидетельствуют о применении рабского труда в сельском хозяйстве. Сидоний Аполлинарий упоминает о поместьях магната Векция, в которых трудились «прилежные рабы» — наряду с другими категориями непосредственных производителей (Ep. IV, 9); в других письмах Сидония рассказывается о случаях бегства рабов, о возмущениях рабов³. Наконец, хорошо известно, что рабство сохранялось в Галлии и после завоевания ее вестготами и бургундами.

Таким образом, хотя несомненно, что в Галлии IV—V вв. рабовладельческая система не была единственной формой эксплуатации непосредственных производителей, рабство продолжало играть существенную роль в производстве. Тот материал, который в настоящее время имеется в нашем распоряжении, не дает оснований считать, что рабовладельческая собственность здесь уступила место феодальной.

Рабский труд продолжал применяться в IV—VI вв. и в восточных провинциях Римской империи. О рабах часто говорит Иоанн Златоуст:

¹ Е. М. Штаерман, Рабство в III—IV вв. ..., стр. 103.

² Олажс, К вопросу о крестьянстве..., стр. 116

³ См. Н. И. Львов, ук. соч., стр. 14 слл.

то он упоминает раба, который по поручению господина просит милостыню (PG, 55, стб. 111), то раба, убегающего от жестокого господина (PG, 57, стб. 410), то гладиаторские бои (PG, 61, стб. 103). Более определенные известия о труде рабов содержатся в VII новелле Юстиниана, которая упоминает, наряду с колонами, сидящими на церковной земле, и сельских рабов (*ἀνδράποδα ἀγροικῆά*)¹.

Однако все эти факты слишком общи, чтобы из них можно было извлечь конкретное представление о характере рабовладения. Гораздо большее значение имеют египетские папирусы, хотя они и освещают положение только в одной области Римской империи — к тому же в такой, где рабовладение играло и раньше сравнительно меньшую роль. Попытка подсчитать число упоминаний о рабах в папирусах привела меня к ориентировочному заключению о том, что в IV и V столетиях количество рабов в Египте уменьшилось, тогда как в VI в. оно вновь значительно возросло². Папирусы этого времени прямо говорят о применении рабского труда в поместьях крупных собственников (например, P. Оху. 1913, 28); в этом отношении особенно важен папирус Baden. 95, описывающий расположенное около Гермополя поместье некоей Феодоры (повидимому, начало VII в.). Анализ этого папируса приводит к выводу, что применение рабского труда в поместье Феодоры достигало весьма значительного размера, ибо затраты на содержание рабов во много раз превосходили расходы на наем свободных работников³.

Рабский труд в Египте накладывал определенный отпечаток на другие формы эксплуатации трудящихся. Египетские папирусы часто отмечают продажу детей в рабство, а также обязанность рабским трудом отрабатывать долг. В P. Iand. 62 (VI в.) идет речь о сестре должника, которая отдана в заклад и обязана отбывать «рабскую повинность» (*πῆσαν δουρικῆν χρεῖαν*). Кредитор со своей стороны обязуется кормить и одевать ее. Брат не имеет права взять ее обратно до выплаты долга. В другом папирусе (P. Strass. 40, 569 г.) сформулировано соглашение между работником и хозяином; работник, некий Коллуф, соглашается четыре года служить у хозяина в качестве *κατάδουλος παῖς*, получая за свой труд пропитание и деньги на приобретение одежды. На сходных условиях нанимается (*μεριτωθῆναι ἐμαυτὸν*) некто Феодор в папирусе SB 4490 (VII в.).

Таким образом, у нас есть все основания предполагать, что рабовладельческая система хозяйства не была изжита в Египте вплоть до VI или даже до начала VII в. Разумеется, наряду с этим мы должны констатировать, что известная часть рабов приобретает в это время некоторую имущественную самостоятельность и некоторые личные права: насколько можно судить по наблюдениям Р. Таубеншлага, в VI в. чаще, чем в предыдущее время, встречаются рабы, наделенные пекулием, женатые рабы и т. д.⁴.

Разнообразные источники засвидетельствовали существование рабского труда в Римской Сирии. Талмуд неоднократно упоминает поместья с рабами в Сирии и Месопотамии. «Кто отпускает своих рабов на свободу — разоряется, теряет свои владения», — говорил один из еврейских «мудрецов» IV в.⁵ Антиохийские богачи еще в IV—V вв.⁶ нередко имели

¹ См. М. В. Левченко, Церковные имущества V—VII вв. в Восточной Римской империи, ВВ, II (1949), стр. 15, 31.

² А. П. Каждан, ВДИ, 1952, № 4, стр. 126.

³ М. В. Левченко, К истории аграрных отношений в Византии в V—VII вв. НИДО, V (1935), № 1—2, стр. 91.

⁴ R. Taubenschlag, Das Sklavenrecht im Rechte der Papyri, ZSt, Roman. Abt., 50 (1930), стр. 159.

⁵ Ю. А. Солодухо, Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Ближнего Востока, СВ, II (1941), стр. 40.

⁶ F. Heichelheim, ESAR, IV, стр. 165.

в своих владениях тысячи рабов. Захария Митиленский говорит об использовании рабского труда на строительстве в начале VI в.¹

Относительно рабства в М. Азии известно очень мало. В Каппадокии в период ранней империи широко было распространено храмовое рабовладение. Страбон (XII, 2, 3) рассказывает, что каппадокийским храмам принадлежали тысячи рабов. Однако мы не знаем ни форм эксплуатации этих рабов, ни их судьбы в позднейшую эпоху. Надписи из Галатии засвидетельствовали существование здесь рабов; впрочем, в надписях идет речь об императорских рабах, вепгае и вольноотпущенниках². Возможно, что в некоторых городах М. Азии число рабов было значительным³, но в сельском хозяйстве здесь и в I—II вв. н. э. рабский труд, повидимому, не играл серьезной роли. Как бы то ни было, тех отрывочных данных, которые сохранились до нашего времени, недостаточно для того, чтобы судить о тенденциях развития рабовладельческих отношений в М. Азии.

Что касается положения рабов в Элладе в период империи, то кое-какой материал дают дельфийские надписи об отпуске на волю. Сравнение надписей I—II вв. н. э. с более ранними не дает оснований полагать, что положение рабов изменилось коренным образом: единственный вывод, который можно сделать, сводится к тому, что в это время относительно уменьшается число рожденных в доме рабов и относительно увеличивается число купленных⁴. Этот факт ни в коей мере не может быть истолкован как свидетельство об изживании рабовладельческих отношений, — скорее, наоборот, он свидетельствует о наличии некоторых тенденций к укреплению их. Для суждения о развитии рабства в Элладе в последующие века данных нет.

Подведем некоторые итоги. Судьбы рабовладения в различных областях Римской империи складывались по-разному. В одних провинциях рабство попрежнему сохраняло полупатриархальный характер, рабовладельческие латифундии не сложились, и рабский труд в сравнительно незначительных размерах применялся в мелких и средних хозяйствах. Так обстояло дело в придунайских и прирейнских провинциях, и мы, разумеется, не вправе говорить о вырождении рабовладельческой системы хозяйства применительно к этим провинциям. В ряде западных провинций — там, где рабовладельческая латифундия сложилась уже в последние века республики, — она, хотя и значительно ослабленная развитием новых отношений, все же сохранялась еще в IV—V вв., накладывая определенную печать на иные формы эксплуатации непосредственных производителей. В некоторых восточных провинциях (Египет, Сирия) рабовладельческое поместье играло немалую роль еще в VI столетии.

У нас нет твердых статистических данных для того, чтобы решить вопрос о путях развития римского рабовладения II—V вв. Можно только сказать, что нет достаточных оснований для предположения, будто бы рабство уже в III в. изжило себя и перестало быть основой производства. До V—VI вв. рабский труд продолжал играть существенную роль, а рабовладельческий класс, отстаивая рабскую систему хозяйства, оказывался той отживающей силой общества, которая препятствовала —

¹ Ц. В. Пигулевская, К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии, ВДИ, 1938, № 3, стр. 151.

² А. Б. Ранович, ук. соч., стр. 114 сл.

³ См. известие Галена о Пергаме — В. Вестерман, ук. соч., стр. 591. Надписи II—III вв. н. э. из Пергама и Миласы говорят о бичевании городских рабов — OGIS, 483, 175 и 515, 30.

⁴ В. Вестерман, ук. соч., стр. 590.

и сплошь да рядом весьма успешно — формированию новых общественных отношений¹.

И все же рабовладельческая система хозяйства была обречена на гибель, потому что она вступала в противоречие с новыми, подспудно развивавшимися производительными силами².

Известная фраза Плиния: «Латифундии погубили Италию» в течение долгого времени определяла представления историков о развитии аграрных отношений в Римской империи. Несомненно, однако, что утверждение Плиния — гипербола. Значительные коррективы в старые представления о беспредельном господстве латифундий в Италии были внесены Т. Моммзенем, который опубликовал алиментарные таблицы, дающие возможность представить себе распределение земельной собственности в некоторых областях Италии³. Вслед за тем против представления об исчезновении италийского крестьянства выступил А. Хальбан-Блюменток, который опирался, в частности, на свидетельства агрименсоров⁴. В настоящее время ясно, что и в конце республики, и в период принципата мелкая свободная собственность не исчезла ни в Италии, ни тем более в провинциях.

Но какова была дальнейшая тенденция развития мелкой собственности? В буржуазной историографии мы найдем две основные точки зрения по этому вопросу, резко противоречащие одна другой. М. Ростовцев рассматривает период империи как время ухудшения положения мелких собственников, считая, что уже во II—III вв. свобода крестьянства превратилась в фикцию, что в IV в. мелкие собственники были закрепощены⁵. Напротив, П. В. Виноградов считал, что четвертое и пятое столетия были эпохой, неблагоприятной для крупных собственников, эпохой улучшения положения мелких фермеров и крестьян⁶.

Обе эти точки зрения в равной мере односторонни. Ни Ростовцев, ни Виноградов не связывают судеб мелкой собственности с судьбами рабовладельческого поместья, не видят коренных изменений в характере собственности, совершившихся в процессе становления феодального общества. И Ростовцев, и Виноградов смешивают, по существу, две проблемы, которые должны быть расчленены: проблема количественного соотношения крупной и мелкой собственности в период империи и проблема изменения форм собственности. Рассмотрим прежде всего первую проблему.

Принято считать, что «крупная земельная собственность в последний век империи достигла неслыханных до того размеров»⁷, однако этот те-

¹ М. Я. Сюзюмов, Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века, УЗ Уральского ун-та, вып. 11 (1952), стр. 103 слл., убедительно показал, что рабовладельцы сумели повести за собой определенные слои городской бедноты. К сожалению, он абсолютизирует это положение и видит в этом частном явлении основную причину устойчивости Восточной империи.

² Если бы мы вслед за Е. М. Штаерман допустили, что к IV в. было уже в основном изжито противоречие между производственными отношениями и производительными силами, свойственное рабовладельческому способу производства, и восторжествовала феодальная собственность, то трудно было бы объяснить, почему все же мало римское общество. Наоборот, только признавая, вместе с М. Я. Сюзюмовым, значительную силу рабовладельческих отношений в этот период, только признавая, что производственные отношения в это время не соответствовали уровню производительных сил, мы поймем, почему таким глубоким был кризис IV—V вв.

³ Th. Mommsen, Die italische Bodentheilung und die Alimentartafeln, «Hermes», 19 (1884), стр. 399 слл.

⁴ A. Halban-Blumentock, Entstehung des deutschen Immobiliareigentums, Innsbruck, 1894, стр. 138 слл.

⁵ М. Ростовцев, ук. соч., стр. 396 и 311.

⁶ П. Виноградов, Средневековое поместье в Англии, СПб., 1911, стр. 98.

⁷ Н. А. Машкин, История древнего Рима, 1947, стр. 561. Более осторожные исследователи говорят, о сохранении мелкого крестьянского землегладения — см.

зис доказывается лишь ссылкой на отдельные примеры, а примеры крупных землевладельцев мы без труда можем найти и в конце республики, и в ранней империи. Учитывая, что судьбы мелкой собственности были различными в разных областях Римской империи, попробуем проследить эти судьбы там, где источники предоставляют для этого какие-нибудь возможности.

Хорошо известные данные алиментарных таблиц показывают, что в Италии процесс концентрации земли продолжался с большей или меньшей интенсивностью на протяжении всего первого столетия н. э. Для более позднего времени мы не располагаем статистическим материалом, но сочинения агрименсоров показывают, что и во II в. мелкие собственники не исчезли в Италии: Гигин (56, 19) прямо говорит о множестве собственников (*densitas possessorum*) в этой части империи.

О соотношении мелкой и крупной собственности в Италии IV в. прямых данных нет. Во всяком случае, как и во времена Плиния, римские сенаторы владели не обширными поместьями, которые представляли собой замкнутое целое, но землей, разбросанной в разных частях страны. Так, у Симмаха было 15 вилл близ Рима и в Южной Италии, а также поместья в Самнии, Апулии, Сицилии, Мавритании¹. Точно так же владения Секста Петрония Проба были расположены в разных частях римского мира (*Ann. Marc.*, XXVII, 11). Наряду с сенаторским землевладением существовали земли куриалов — об одном из таких землевладельцев средней руки, Сиргини, рассказывает Симмах (*Rel.*, 28).

Наконец, сохранялось и крестьянское землевладение; может быть, те жители италийских деревенок, которые оказывали ожесточенное сопротивление Алариху (*Zosim*, V, 37), были свободными крестьянами. Точно так же Клавдиан рисует образ свободного крестьянина, испуганного вторжением готов².

Вряд ли можно безоговорочно полагать, что в IV в. крупное землевладение в Италии растет за счет среднего и мелкого. Хотя мы знаем о таких людях, как магнат Олибрий, который при помощи своей челяди пытался присвоить чужие земли (*Symm.*, *Rel.*, 28), в то же время земли других сенаторов были обременены долгами (*Symm.*, *Ep.* IX, 30), что отнюдь не свидетельствует о благополучном положении их хозяев. Вопрос о соотношении крупного и мелкого землевладения в Италии IV в. при современном состоянии источников должен оставаться открытым.

Еще меньшим количеством данных располагаем мы для характеристики распределения собственности в Элладе. Наличие городской собственности во II в. н. э. засвидетельствовано документами из Фисбе: муниципальные земли сдавались в свободную аренду горожанам³. Правда, старые принципы полисной собственности были уже в значительной степени подточены, и городская земля нередко переходила в руки женщин или жителей других городов⁴.

Вопрос о концентрации земли в I—II вв. не может быть решен с достаточной определенностью: известные нам единичные факты рисуют противоречивый процесс. Мы знаем о том, что в руках отдельных лиц, подобных Героду Аттику, скапливались огромные состояния; мы знаем в то же время

М. В. Левченко, Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., «Византийский сборник», М.—Л., стр. 28 слл.

¹ J. A. MacGeechay, *Quintus Aurelius Symmachus and the senatorial aristocracy of the West*, Chicago, 1942, стр. 57 сл.

² См. Н. П. Голубцова, Италия в начале V в. и вторжение Алариха в Рим, ВДИ, 1949, № 4, стр. 64.

³ J. A. O. Larsen, *ESAR*, IV, стр. 480.

⁴ О. В. Кудрявцев, ук. соч., стр. 55 слл.

и о случаях распродажи крупных имений отдельными участками¹. Обследованный О. В. Кудрявцевым список 89 земельных владений в Аттике показывает, что концентрация земли, как правило, не приводила здесь к образованию обширных сплошных комплексов земельных владений — участки одного собственника были расположены в различных частях Аттики².

Но если мы располагаем крайне скудными сведениями, характеризующими распределение собственности в Элладе I—II в., то для последующего времени у нас вовсе нет данных. Однако трудно предположить, что Эллада, ставшая с III в. ареной постоянных набегов северных соседей, могла явиться областью, где интенсивно росла магнатская земельная собственность. Скорее наоборот, то запустение земель, которое оплакивал еще Дион Христом (Огг., VII, 34 и XXXIII, 25), стало в дальнейшем более распространенным.

Положение свободного крестьянства в придунайских провинциях в III в. до некоторой степени освещено в надписях, удачно обработанных Е. М. Штаерман³. Автор убедительно показал, что дунайские легионы в III в. вербовались в основном из местного свободного земледельческого населения и сохраняли тесные связи с крестьянством. Надписи из Нижней Мезии рисуют примерно такую же картину: наряду с хозяйствами средней руки, в которых бывало занято 5—10 рабов, здесь во II в. н. э. существовало крестьянство и сохранялись какие-то формы общинных отношений⁴. В римской Фракии также было распространено крестьянское землевладение и, повидимому, сохранялась община⁵.

Придунайские области и Фракия вплоть до V—VI вв. сохраняли свой «крестьянский» облик. Клавдиан (*De bell. Geth.*, 365) прямо называет Норик «крестьянским» (*Noricis rura*); аналогичную картину рисует и Евгиппий, автор жития Северина (начало VI в.), рассказывающий о жителях местечек, где скотоводство и обработка небольших земельных наделов играли основную роль⁶. XXXIV новелла Юстиниана говорит о фракийских земледельцах, называя их *coloni* (греческая параллель — XXXII новелла — употребляет термин *γεωργοί*). Фракийские колонны VI в. — это свободные крестьяне, имеющие свои *terruiae*, быков, мелкий скот и *mancipia*; основная опасность грозит им не со стороны крупных земельных собственников — им угрожают ростовщики, присваивающие их земли, скот и рабов.

М. В. Левченко убедительно показал, что Мезия и Фракия в IV—V вв. переживают известное укрепление крестьянского землевладения, ибо императоры неоднократно расселяли здесь различные варварские племена⁷.

Гораздо более пестрая картина наблюдается в Галлии. Северо-восточная часть этой области, где в надписях встречаются термины *visi* и *visani*, была, повидимому, похожа по своему аграрному строю на придунай-

¹ А. Б. Р а н о в и ч, ук. соч., стр. 238 слл.; О. В. К у д р я в ц е в, ук. соч., стр. 58 и 65.

² О. В. К у д р я в ц е в, ук. соч., стр. 56 сл.

³ Е. М. Ш т а е р м а н, Этнический и социальный состав римского войска на Дунае, ВДИ, 1946, № 3, Ср. о п а ж е, К вопросу о крестьянстве..., стр. 105 слл.

⁴ Т. Д. З л а т к о в с к а я, ук. соч., стр. 85—87. Т. Д. Златковская считает правду (стр. 124 слл.), что с конца II в. Мезия была охвачена «социально-экономическим кризисом», однако собранный ею материал, на мой взгляд, недостаточен для такого ответственного утверждения. Впрочем, о «кризисе» автор говорит лишь в названии раздела, трактуя этот вопрос в тексте гораздо осторожнее.

⁵ А. Б. Р а н о в и ч, ук. соч., стр. 247 сл.

⁶ А. Д. Д м и т р е в, Движение скамаров, ВВ, V (1952), стр. 5.

⁷ М. В. Л е в ч е н к о, Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., стр. 36 сл.

ские провинции¹. Области по Роне представляли собой олот муниципально-го землевладения, тогда как поместья сенаторской знати в IV в. располагались по преимуществу в Оверни, лежавшей в стороне от римских дорог и колоний². Одно из таких поместий было раскопано на верхней Гаронне; в центре поместья находилась господская вилла, окруженная разнообразными хозяйственными строениями, рассчитанными на сотни людей; по мнению А. Гренье, с виллой был связан *fundus* размером примерно в одну тысячу га³. Это поместье было разрушено в начале V в. Разумеется, подобная картина распределения земельной собственности в Галлии является весьма ориентировочной; к тому же трудно представить тенденции развития, хотя весьма вероятно, что овернское сенаторское землевладение в IV в. переживает подъем.

Несколько лучше обработан материал, относящийся к истории Африки. Хорошо известно, что в I в. н. э. в Африке огромную роль играло крупное землевладение: об этом свидетельствуют известные высказывания Фронтин и Плиния. Прямые известия о распределении собственности во II—III вв. довольно скудны. Археологический материал свидетельствует о существовании римских поместий в различных частях Сев. Африки: уже цитированный «Атлас» Гзеля регистрирует многочисленные развалины римских вилл, среди которых были найдены остатки давлен, жерновов, чанов, керамики. Однако памятники эти в «Атласе» датированы очень редко; к тому же этот археологический материал не дает представления о размерах поместий. В многочисленных африканских надписях нередко упоминаются *praedia* и *fundi*, но обработка надписей наталкивается на те же трудности, ибо мы не можем определить ни размеров упомянутых в них поместий, ни — сплошь да рядом — времени составления надписи.

Существование мелкой и средней собственности на землю засвидетельствовано так называемой *lex aquae* из нумидийского города Ламасбы⁴. Эта *lex aquae*, относящаяся к III в., регулирует распределение воды для орошения между большим количеством земельных собственников (в сохранившейся части надписи перечислены имена 74 владельцев); размеры наделов указаны в неопределенных единицах и поэтому не могут быть переведены на обычные меры, но во всяком случае мы имеем материал для сопоставления. Самые значительные из наделов в 20 раз превосходят наименьшие, что не дает еще оснований говорить о формировании крупных латифундий. Таким образом, городская земля была распределена между большим количеством владельцев, а не сосредотачивалась в руках немногих богачей.

А. Бургарель-Мюссо попытался получить примерные статистические данные для характеристики распределения собственности в римской Африке. С этой целью он изучал изменение размеров *summa honoraria* в I—III вв. Полученные им данные сведены в таблицу, которая характеризует изменение размеров взносов лиц, получавших должности в городском управлении⁵. Данные этой таблицы чрезвычайно скудны, и пользоваться ими можно лишь с крайней осторожностью. И все же можно как

¹ Е. М. Штаерман, Римское войско на Дунае..., стр. 265.

² К. F. Strohecker, Der senatorische Adel im spätantiken Gallien, Tübingen, 1948, стр. 21. См. карту на стр. 232. Совершенно ясную картину рисует, опираясь на Фюстель де Куланжа, Н. И. Львов, ук. соч., стр. 11, который считает, что крупные поместья преобладали повсюду в Галлии.

³ A. Gréner, Manuel d'archéologie Gallo-Romaine, т. II, P., 1934, стр. 888 слл.

⁴ CIL, VIII, 4440 и 18587. См. Н. А. Машкин, Из истории африканских городов во II—III вв., ВДИ, 1951, № 2, стр. 75.

⁵ A. Bourgalet-Musso, Recherches économiques sur l'Afrique romaine, «Revue africaine», 75 (1934), стр. 114.

будто бы сказать, что на столетие от 138 до 235 г. приходится период укрепления муниципального землевладения в Африке; в городах первостепенное значение приобретают люди небогатые, которым под силу лишь незначительные *summa honoaria*. С III в. начинается упадок муниципиев — число взносов резко сокращается. Из собранных им данных А. Бургарель-Мюссо делает недостаточно обоснованный вывод, что в это время за счет мелкого и среднего землевладения вырастает крупное; однако из составленной им таблицы следует, что число крупных взносов ни в коей мере не возрастает — при Северах (193—235) было сделано пять крупнейших взносов (свыше 100 тысяч сестерций), а после 235 г. — только два.

Наконец, мы можем предполагать, что размеры императорских латифундий на протяжении II—V вв. значительно сократились.

После конфискации в руках Нерона было сосредоточено около половины всей провинции Африки (Plin., NH, XVIII, 35), тогда как, согласно СTh, XI, 28, 13, императорские поместья в *Africa proconsularis* составляли примерно $\frac{1}{3}$ всей территории провинции¹. Однако мы не знаем, ни когда, ни в чьи руки перешли прежние императорские владения.

Таким образом, нет никаких оснований полагать, что в Римской Африке совершался процесс концентрации земель и роста латифундий. Наиболее вероятным является предположение, что во II—III вв. в этой провинции преобладала мелкая и средняя собственность жителей муниципий, выросшая за счет прежних огромных латифундий и, быть может, за счет императорских земель. Упадок муниципального землевладения в Африке III в. вряд ли можно рассматривать исключительно как оборотную сторону интенсивной концентрации земли в руках немногочисленных богачей. Не следует ли предположить, что в связи с аграризацией муниципиев в IV—V вв. распространяется мелкая земельная собственность иного типа: во всяком случае, к моменту вторжения вандалов слой мелких земельных собственников был в Африке весьма значителен. Только при таком предположении можно понять рассказ церковного историка Виктора из Виты (IV, 5) о том, что вандалы сгоняли владельцев с их участков и их же заставляли обрабатывать эти поля².

Существование мелкого и среднего землевладения в М. Азии и Сирии засвидетельствовано некоторыми, впрочем, довольно скудными источниками. По словам Юлиана, в Антиохии насчитывалось 10 тысяч клеров; несмотря на то, что часть из них была захвачена городской знатью, наличие мелкого и среднего городского землевладения в Антиохии несомненно. Городская земля была и в Эфесе: согласно надписи 370—371 гг., Эфесу были переданы новые земли, составлявшие некогда императорское владение. Городские земли в Эфесе должны были сдаваться в аренду, а арендная плата шла на укрепление городских стен³.

Наряду с городским землевладением источники неоднократно говорят о землевладении сельских общин Малой Азии. Особенно интересна надпись OGIS, 488, рисующая сельский сход в Лидийской деревне Кастолл, на котором крестьяне принимают решение о разделе принадлежащей им земли (*τὸν ὑπάρχοντα αὐτοῖς ἄγρον*). Многочисленные надписи из М. Азии упоминают комархов отдельных деревень. Малоазийское крестьянство не следует рисовать однородной группой владельцев крошечных наделов — дифференциация была здесь настолько значительной, что в некоторых надписях III в. мы встречаем упоминания о крестьянских

¹ R. M. H a u w o o d, ESAR, IV, стр. 118.

² Ср. также P r o s o p., De bello Vand., I, 5 и трактовку этого свидетельства у A. H a l b a n - B l u m e n s t o c k, ук. соч., стр. 140.

³ «Fontes juris romani antejustiniani», I, ed. S. R i c c o b o n o, Flor., 1941, № 108.

семьях, которые вносят на общественные пужды шесть—девять тысяч денариев¹. Существование мелких собственников в Писидии, Ликаонии и Исаврии VI в. засвидетельствовано новеллами Юстиниана².

Многочисленные общины существовали в Сирии. Надпись IGRR, III, 1317 (от 294—295 г.) рисует коллективные действия жителей сирийской деревни, возводящих здание на общий счет (*ἐκ κοινῶν ἀγαθῶν τῆς κώμης*). Особую роль в этом предприятии играл зажиточный собственник, ветеран Флавий Корнелиан. Аналогичные коллективные действия общин засвидетельствованы в надписях 386 и 428 гг.³ Остраконы VI в. из Сбейтаха (в Палестине)⁴ рисуют организацию работ, связанных со строительством цистерны (№№ 1 и 3); они представляют собой квитанции, которые выдавались общинникам, выполнившим определенную норму. В одном из остраконов (№ 2) прямо говорится, что работа выполняется на общину (*εἰς τὸ κοινόν*). Повидимому, и в сирийских общинах население было в имущественном отношении дифференцировано. Многочисленные двойкеты, эпимелеты, проноэты, иногда избираемые общинниками, составляли деревенскую верхушку.

Все эти данные говорят о наличии мелкого землевладения в М. Азии и Сирии, однако не раскрывают ни его удельного веса, ни тенденции его развития.

О распределении земельной собственности в Египте мы имеем несколько больше данных, хотя общая картина все же остается чересчур схематичной. К середине IV в. относится описание земельных владений вблизи Гермополя (P. Flor. 71); она фиксирует 470 наделов, в общем сравнительно небольших — средний размер надела 44 аруры. Только 8 наделов могут быть отнесены к крупным (свыше 500 арур)⁵.

Египетская община хорошо известна по многочисленным документам. Египетские деревни были весьма многолюдными (СТh, XI, 24,3); их жители составляли *consortium vicariorum*, которое обладало определенными правами. По закону 468 г. (CI, XI, 56) только общинники могли покупать землю у своих односельчан. Документы рисуют, как община осуществляет свои права на землю: так, в одном из коптских документов идет речь о *κοινότης* жителей местечка Джеме, которая дарит землю храму Фебамона⁶.

В недрах египетской общины выростала значительная группа богатых крестьян, прикулавших земли односельчан и предпринимавших попытки заставить своих соседей обрабатывать эти земли. Палладий в «Истории монахов»⁷ рассказывает о протокомете одной из египетских деревень, который гордился тем, что в его дом не стекались чужие плоды (*κάρποι ἀλλότριαι*), что его стада не совершали потрав на чужих полях, что он не засеивал раньше других свои земли (*οὐκ ἔσπειρα πρῶτος τὰς ἐμῆς χώρας*) и т. д. Следовательно, как правило, зажиточные общинники в той или иной форме эксплуатировали своих соседей.

Некоторые данные позволяют предположить, что в отдельных частях Египта происходило перераспределение земли в пользу мелких собственников. Например, в житии Антония идет речь о богаче, которому принад-

¹ M. Rostowzew, ук. соч., стр. 30f.

² М. В. Левченко, Материалы..., стр. 34.

³ MacLean Harper, Village administration in the Roman province of Syria («Yale Classical Studies», I), 1928, стр. 131 и 146.

⁴ Н. С. Youtie, Ostraca from Sbeitah, AJA, 40 (1936), стр. 457.

⁵ A. C. Johnson — L. West, ук. соч., стр. 40.

⁶ W. E. Crum, Catalogue of the Coptic manuscripts in the British Museum, L., 1905, № 291.

⁷ PG, 34, стб. 1169. См. M. Gelzer, ук. соч., стр. 10.

лежало 300 полей; уходя в монастырь, он роздал свои земли крестьянам¹. В некоторых районах Египта, например, в Верхнем Египте, мелкая крестьянская собственность была преобладающей².

Крупные поместья, как правило, не образовывали в Египте замкнутых комплексов. В этом отношении чрезвычайно характерен папирус Р. Оху. 2195, датированный примерно 576 г. и относящийся, повидимому, к владениям Апионов. Папирус содержит опись доходов с семи *étouzia* и некоторых других владений. В одном поселении владелец получает доход от 15 семей держателей (арендаторов), в другом — от 14; в остальных поселениях число держателей колеблется от одного до семи. Так как египетские деревни были многолюдны, следует предположить, что в каждом случае речь идет лишь о частях деревень. Иначе говоря — господское хозяйство не являлось в данном случае крупной вотчиной: землевладелец обладал правом собственности на земли, разбросанные в разных местах сравнительно небольшими наделами.

Из всего этого можно сделать только негативный вывод: у нас нет данных для ответственного предположения, будто в период Римской империи происходит коренное перераспределение земельной собственности, в результате чего мелкое землевладение вытесняется крупным. Крупное землевладение IV—VI вв. нигде, за исключением, может быть, Оверни, не предстает перед нами в виде сплошных комплексов — сенаторские поместья этого времени распадаются на огромное множество незначительных владений, которые в Египте иной раз не превышают обычного крестьянского надела.

Судьбы мелкого землевладения были различны в различных частях империи. В некоторых областях, особенно в западной части Галлии, действительно происходила известная концентрация земельной собственности. В Италии и Элладе положение, повидимому, оставалось стабильным. В Африке крупная земельная собственность первого века империи, ослабленная при Нероне, не была в дальнейшем восстановлена: во II—III вв. в этой провинции укрепляется мелкая и средняя собственность муниципального типа, в V в. здесь большую роль играет мелкое крестьянское землевладение. В придунайских провинциях и Фракии преобладало мелкое землевладение; есть все основания предполагать, что в IV—VI вв. оно еще более укрепилось. В М. Азии и Сирии мелкое и среднее землевладение было довольно устойчивым, однако в недрах общины шла значительная дифференциация, приводившая к образованию слоя зажиточного крестьянства. Мелкое землевладение в Египте было, пожалуй, еще более устойчивым, хотя подтачивалось интенсивным процессом имущественной дифференциации в пределах общины.

Все эти данные показывают, что тезис о «неслыханной» концентрации земли в последний век империи не может считаться доказанным. Скорее всего, исторический процесс был более сложным и более многообразным; в одних областях крупное землевладение расширялось, в других сокращалось; кое-где оно, повидимому, так и не возникло.

И тут мы подходим ко второй проблеме: надлежит выяснить, оставалась ли крупная собственность в IV—V вв. такой же, какой она была в конце республики, попрежнему ли класс рабовладельцев являлся полноценным собственником всех условий производства. Для решения этого вопроса надо перейти к рассмотрению исторической роли колоната.

¹ E. A. W. B u d g e, *The book of paradise*, L., 1904, стр. 8.

² Уже M. G e l z e r, ук. соч., стр. 65 и сл., обратил внимание на тот факт, что египетские крестьяне IV в. выступают в папирусах как собственники земли. См. также M. B. Л е в ч е н к о, *Материалы...*, стр. 31.

Можно считать несомненным, что термин *colonus* охватывал различные понятия, что законодательство, исходящее из единообразного понимания колоната на всей территории империи, осуществляло насилие над реальной действительностью. Исследование М. Е. Сергеевко выяснило характерные черты крупного землевладения в Цисальпинской Галлии II—I вв. до н. э., где положение было, повидимому, сходным с общественными условиями по ту сторону Альп¹. Поместья крупных земельных собственников в обеих Галлиях обрабатывались не только и, может быть, не столько трудом рабов, сколько руками колонов, — при этом, по словам Сазерны, землевладельцы стремились к тому, чтобы удержать колона на своей земле². Угнетенные долгами, принуждаемые прямым насилием, галльские бедняки уже в I в. до н. э. оказались в зависимости от могущественных людей, которые пользовались по отношению к своим колонам почти такими же правами, как и по отношению к рабам. При всем внешнем сходстве раннего галльского колоната с поздним римским между ними существует коренное различие: галльский колонат I в. до н. э. не был результатом кризиса рабовладельческой системы производства, — наоборот, он являлся сравнительно архаичной формой зависимости, свидетельствующей об известном отставании общественного развития Сев. Италии и Галлии; повидимому, в первые века империи он постепенно уступал место рабовладельческой системе хозяйства.

Эволюция свободного труда в Средней Италии может быть прослежена столь же ориентировочно, несмотря на то, что мы располагаем для истории этой страны большим количеством источников. Средняя Италия II в. до н. э. не знает мелкой аренды и колоната — Катон упоминает только издольщика (*colitor*), временного работника, на котором лежала обязанность прополоть поле и убрать урожай. Труд издольщика, получившего определенную часть урожая, был лишь дополнением к рабскому труду и порождался необходимостью привлекать в период уборки урожая большие массы работников. В этих условиях термин «*colonus*» означал первоначально землевладельца³.

Колонаты-арендаторы появляются в Средней Италии в I в. до н. э., занимая свое место пока еще на периферии поместья. Еще во времена Колумеллы труд колонов продолжал оставаться дополнительным, подсобным — итальянские землевладельцы I в. н. э. предпочитали пользоваться трудом рабов.

В поместьях Плиния Младшего число колонов было весьма значительным. Повидимому, Плиний сдавал свои поместья колонам за денежную ренту или за часть урожая сроком на пять лет (Ер. IX, 37, 2—3)⁴. Сдача поместья в аренду не означала замены рабского труда свободным: колоны возделывали земли при помощи труда рабов, которых должен был дать им господин (Plin., Ер. III, 19,7)⁵. Следовательно, распространение колоната в Италии в I—II вв.⁶ еще не всегда приводило к вытеснению рабского труда; распространение колоната означало сплошь да рядом лишь изменение формы эксплуатации рабов: место огромных латифундий конца республики занимают небольшие усадьбы колонов, работавших

¹ М. Е. Сергеевко, Сазерна и его фрагменты, ВДИ, 1946, № 3, стр. 77.

² М. Е. Сергеевко, ук. соч., стр. 73.

³ Sato, De r. r., pr., 2. См. также Ovid., Fast., II, 646. Ср. *possessor colonus* — CIL, VI, 9274.

⁴ Два типа аренды колонов различает и Гай — Dig., XIX, 2, 25, 6.

⁵ Ср. Dig., XIX, 2, 54, 2. О рабах, принадлежащих колону (*coloni servus*), см. Dig., IX, 2, 27, 9 и XIX, 2, 30, 4; CIL, IX, 5659.

⁶ Надписей, упоминающих колонов, сравнительно немного — см. CIL, VI, 9273, 9275, 9276. Надписи, в которых упомянуты виллики, встречаются чаще — CIL, VI, 9983 — 9990a. Ср. также CIL, VI, 9991, где назван *subvillicus hortorum*.

вместе с теми рабами, которыми снабдил их господин. Разумеется, могли быть и колонны, не пользовавшиеся трудом рабов.

Колонны I—II вв. н. э. коренным образом отличались от прежних политоров; политор — это случайный, временный работник, появляющийся в поместье лишь в период прополки и сбора урожая, лишенный каких бы то ни было прав не только на землю, но и на орудия труда. Колон, оседающий на известный срок, обязанный не только денежной или натуральной платой, но и известными *accessiones*¹, практически приобретал известные права на свое хозяйство. Правда, Дигесты отказываются признать за колоном какие-либо права на хозяйство и рассматривают его лишь как посредника, через которого собственник осуществляет свои права на имущество². Колон наделяется лишь правом *frui* (Dig., XIX, 2, 25,1), но не получает никаких владельческих прав. Юристы полагают, что колон получает от господина даже орудия труда (Dig., XIX, 2, 19,2). Римское право II—III вв. видит в колонне, по существу, не арендатора, а батрака, которого господин наделяет parcelлой³, и поэтому рассматривает его имущество либо по аналогии с некулием раба, либо как *rig-nus*, данный господину (Gai., Inst., IV, 147). Такая трактовка прав колона была обусловлена тем обстоятельством, что римская аренда формировалась в условиях господства рабовладельческих отношений, однако подобная трактовка все более становилась юридической фикцией, поскольку колон постепенно превращался в наследственного арендатора⁴.

Таким образом, эволюция свободного труда в первые века империи ведет от политора к колону; свободный работник, сидящий на господской земле, приходит на смену безземельному издольщику. Аграрная эволюция шла здесь не по линии укрепления поместья, но в совершенно обратном направлении: значительная часть земель в рабовладельческих латифундиях (преимущественно, их периферия) была разделена на мелкие участки, на которых сидели колонны, а также *quasi-coloni* из числа рабов. Крупная рабовладельческая земельная собственность сохранялась (и, может быть, даже росла вширь), но в ее недрах укреплялось мелкое независимое производство. При этом своеобразии италийского колоната состояло в том, что здесь колонны не только работали сами, но и применяли труд рабов.

Для характеристики экономики Италии IV в. первостепенное значение имеет переписка Симмаха. Многочисленные владения Симмаха частично находились в руках вилликов (Ep. VI, 81), частично же были сданы кондукторам (Ep. IX, 52) и колонам. В хозяйстве Симмаха и его современников труд рабов играл известную роль: письма упоминают *mancipia* в поместье некоего Сциртия (Rel., 28,3), говорят о рабском труде (*servilis manus*) (Ep. VIII, 2), сообщают о бегстве рабов (*familia domus meae*) (Ep. IX, 140)⁵.

Колонны IV в., насколько можно судить по переписке Симмаха, были обязаны вносить арендную плату в деньгах (*pensio*) (Ep. IX, 130) или в натуре (*fructuum pars*) (Ep. VI, 81); об отработочных повинностях он

¹ См. М. Е. Сергеевко, К истории колонатных отношений, ВДИ, 1949, № 2, стр. 56 слл.

² А. Б. Рапович, Колонат в римском законодательстве II—V вв., ВДИ, 1951, № 1, стр. 87.

³ Ср. М. Вебер, Die römische Agrargeschichte, Stuttgart, 1891, стр. 244.

⁴ См., например, казусы в Dig., X, 1, 2, 30, 5 и XIX, 2, 32.

⁵ О сохранении значительного числа рабов в Италии IV в. свидетельствует надпись CIL, VI, 31917, упоминающая устройство гладиаторских игр. О *mancipia rustica* см. еще Edictum Theodorici, 142. Рабский труд использовался во владениях папы Григория I в конце VI в.

ничего не говорит¹. Ни о какой юрисдикции господина по отношению к колонам мы ничего из этой переписки не узнаем, — наоборот, Симмах неоднократно упоминает о тяжбах, которые самостоятельно ведут колоны. В одном из писем он просит магистрата оказать помощь своему колону (*colonus agrotum meorum*) в каком-то судебном деле (Ер. VII, 56), в другом обращается к властям с просьбой о поддержке знатной дамы, которая ведет тяжбу со своим арендатором (Ер. IV, 68). Не имея своей администрации, Симмах нуждается в постоянной поддержке государственной власти: колоны обладают такой самостоятельностью, что без помощи судебных властей (*iudicali vigore*) их нельзя заставить платить арендную плату (Ер. IX, 6). В одном из писем Симмах жалуется, что, несмотря на удачный год, колоны заплатили лишь малую долю ренты (Ер. IX, 130). Но, более того, колоны иной раз присваивали арендованные земли, и Симмаху приходилось обращаться к властям, умоляя помочь изгнать «нечестивого колона» (*improbissimus inquilinus*) из присвоенных им владений (Ер. IV, 68).

Таким образом, владения Симмаха — одного из наиболее значительных сенаторов IV в. — вряд ли можно рассматривать как феодальную вотчину, а его колонов — как бесправных крепостных. Наоборот, из переписки Симмаха можно видеть, как рабовладельческая латифундия все более дробится на мелкие участки, переходящие в фактическое владение колонов, которые, по выражению Симмаха, избавлены от страха перед господами (*nullus dominorum terror incurrit* — Ер. IX, 6). По мере того как колон приобретает права на свое хозяйство, рабовладелец перестает быть полноценным собственником. Только при помощи государственной власти аристократу Симмаху еще удается удерживать в руках свои разбросанные в разных концах страны поместья.

Те исследователи, которые считали основой феодализма внеэкономическое принуждение, видели зарождение феодальной системы в создании вотчинной юрисдикции, в возникновении крепостного права и т. п. На самом деле, существом процесса становления новых отношений являлось вызревание единоличной собственности непосредственного производителя на свое хозяйство. В этом как раз и заключалась прогрессивность нового способа производства, новых отношений собственности, подготовивших в конечном итоге — спустя много столетий — возникновение буржуазной частной собственности.

Процесс укрепления прав непосредственного производителя на свое хозяйство еще более отчетливо прослеживается на материалах, относящихся к Римской Африке. Колонат был широко распространен в Римской Африке II в. н. э., где многочисленные надписи неоднократно упоминают колонов (CIL, VIII, 8425, 8426, 8812 и др.). Африканские поместья этого времени распались, как правило, на две части, одна из которых возделывалась непосредственно собственником или кондуктором, применявшим труд рабов, вторую часть составляли земли, которые не обрабатывались кондукторами (*loca neglecta a conductoribus* — CIL, VIII, 25943, III, 2) и сдавались в аренду колонам. Это были земли болотистые и лесистые (*in paludibus et in silvestribus* — там же, I, 4), и на них колоны, расчищая лес и осушая болота, устраивали виноградники и сажали оливку (там же; ср. CIL, VIII, 25902, II, 17—18). При этом возможно, что первоначально колоны имели право возделывать лишь целину, худшую землю, так называемую *subseciva* (CIL, VIII, 25902, I, 6—7), а позднее, по *lex Hadriana*, приобрели право оккупации и тех земель, которые ле-

¹ О том, что доходы римской знати на рубеже IV—V вв. в значительной части выражались в деньгах, свидетельствует также Олимпиодор, см. FHG, IV, 67 сл.

жали *in centuriis*¹. Колоны платили ренту натурой (CIL, VIII, 25902, 1, 24—29) и обязаны были нести барщину (в незначительном объеме) при пахоте, посевах и жатве (CIL, VIII, 10570). Помимо того, колонны должны были нести строительные повинности (CIL, VIII, 8701, 8777).

Колонны обладали известными правами на свое хозяйство. Из надписей следует, что они являлись собственниками скота (CIL, VIII, 25902, III, 17). Они распоряжались известными средствами и могли *sua pecunia* отстроить разрушенный храм²; *lex Hadriana*, II, 12 прямо формулирует их права как *jus possidendi ac fruendi, hereditique suo relinquendi*. Судя по *lex Hadriana*, владельческие права африканских колоннов были более отчетливо выражены, нежели в Италии, где «ядовитое жало» рабства давало себя чувствовать гораздо сильнее. В другой надписи (A. Merlin, ук. соч., 628) колонны названы *possessores fundi Tapp...*

Дальнейшая судьба африканских колоннов освещается в купчих грамотах из Тебессы, относящихся к 493—496 гг. Эти грамоты³ постоянно упоминают крошечные земельные владения, называемые *particella agri, ruscellum* и т. д. На этих землях, нередко искусственно орошаемых, растут оливки и смоковницы. Некогда эти земли были собственностью одного лица — Флавия Гемина Катуллина и обрабатывались его колоннами: купчие говорят о земле *ex culturis suis Mancianis sub dominio Flavi Gemini Catullini*⁴. Прежние колонны Катуллина стали, в конечном счете, собственниками своих наделов, что было облегчено завоеванием вандалов, но в то же время подготовлено развитием африканского колоната. Однако купчие из Тебессы показывают, что новые земельные собственники не надолго сохранили свою самостоятельность — они постепенно продавали свои участки, и один только Геминий Феликс, которому принадлежал архив из Тебессы, скупил за бесценок в течение нескольких лет около двух десятков наделов.

Византийское законодательство после упорной борьбы народных масс Африки вынуждено было признать свободу значительной части колоннов (новелла 552 г.)⁵. Позднее специальной новеллой 570 г. были подтверждены права колоннов на их имущество (*res propriae*)⁶.

Таким образом, африканские колонны добиваются к V—VI вв. экономической самостоятельности и в ходе народных движений середины VI в. вынуждают византийское правительство признать за ними известные права. Следовательно, тенденция исторического развития вела здесь не к уничтожению мелкой свободной собственности и замене ее огромными феодальными владениями, обрабатываемыми трудом бесправных крепостных (как это утверждает М. Ростовцев), — наоборот, в результате кризиса рабовладельческой системы производства, производственные отношения которой перестали соответствовать достигнутому уровню развития производительных сил, латифундия уступила место мелкому независимому производству, а права непосредственного производителя на его хозяйство были признаны законом.

¹ CIL, VIII, 25943, II, 9. См. Ф. Н а х м а н, Об историческом развитии мелкоарендных отношений в Сев. Африке в первые три века империи, ЖМНП, 1909, кн. 5, стр. 222 слл.

² A. Merlin, Inscriptions latines de la Tunisie, P., 1944, № 1568.

³ E. Albertini, Actes de vente du V-e siècle trouvés dans la région de Tébessa (Algérie), «Journal des Savants», 1930, № 1, стр. 25 слл.

⁴ Выражение *ex culturis Mancianis* свидетельствует, что речь идет именно о колоннах, владевших землей на основе *lex Manciana*. Ср., например, *manciane cultor* — A. Merlin, ук. соч., 629.

⁵ См. З. В. У д а л ь ц о в а, Народные движения в Северной Африке при Юстиниане, ВВ, V (1952), стр. 47.

⁶ C. E. Zachariae von Lingenthal, Jus Graeco-Romanum, т. III, 1857, стр. 14.

Итак, в связи с развитием производительных сил «мелкое хозяйство снова сделалось единственно выгодной формой земледелия»¹, однако было бы совершенно неправильно полагать, что производственные отношения рабовладельческого общества без борьбы, путем постепенной эволюции превращались в феодальные отношения². Экономическое укрепление мелкого независимого производства в недрах рабовладельческих латифундий наталкивалось на сильнейшее сопротивление со стороны отживающих сил общества. Рабовладельческая реакция стремилась принизить колона, объявить его *membrum terrae* (СІ, XI, 48, 23) или *servus terrae* (СІ, XI, 52, 1, 1), поставить на один уровень с рабом³. Но эти многочисленные постановления, закрепощающие и политически принижающие колона, не должны закрывать перед нами того первостепенной важности экономического явления, которое заключалось в приобретении непосредственным производителем, работающим на господской земле, известных прав на свое единоличное хозяйство.

Своеобразными чертами отличался колонат на Востоке, где еще в эллинистический период существовали различные категории зависимого населения на царской, храмовой и частной земле. В Египте экономическое развитие приводит, повидимому, уже в середине IV в. к исчезновению понятия «государственная земля» — прежние царские земледельцы становятся собственниками своей земли, хотя и обязанными уплатой государственных податей. Более того, даже земли, непосредственно служившие императорскими доменами, с V в. стали в Египте поступать в продажу прежним держателям (СТЬ, V, 16, 34).

Хотя законодательство IV в. рассматривало земледельца-колона как прикрепленного к своей *origo*, это положение коренным образом противоречило тому процессу распада государственной собственности, который имел место в Египте в IV—V вв. Поэтому естественно, что египетские крестьяне не только не превратились в крепостных, но наоборот, фактически приобрели право перехода. Так, P. Lond. 1332 признает за крестьянином, ушедшим со своей *origo*, право оставаться на новом месте при условии уплаты повинностей (*καταρκευον επι συνταξεια*).

Таким образом, в Египте историческое развитие в IV—VI вв. вело к известному укреплению крестьянских владельческих прав, однако не за счет рабовладельческих латифундий, как это было, например, в Африке, но в результате распада старой системы государственной собственности на землю. Поэтому относительное укрепление крестьянства в Египте не противоречило тому, что рабовладельческое поместье переживало здесь — во всяком случае в VI в. — известный подъем.

В силу своего происхождения египетские колонны могли противопоставить крупному землевладению общинные связи, и это обстоятельство обуславливало стойкость и сплоченность крестьянства в Египте. Египетские колонны IV—VI вв. были организованы в *consortium vicinorum* (*κοινόν γειτορῶν*), которое представляло собой сплоченную организацию, противостоящую господину. Зависимость крестьян сплошь да рядом сводилась к уплате денежной или натуральной подати, которую вносило все *κοινόν*. Чрезвычайно любопытен папирус Р. Оху. 1896, датированный 577 г.: в нем идет речь об энапографях Флавия Апиона,

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 154.

² Критику таких «эволюционистских» взглядов см. М. Я. Сюзюмов, Еще раз о юридических источниках..., стр. 84 и сл.

³ См. известное выражение Юстиниана: *Quae etenim differentia inter servos et adscripticios intellegetur* (СІ, XI, 48, 21, 1). Эти постановления Кодекса должны рассматриваться не как характеристика реального положения колоннов, но как определенная политическая и правовая концепция.

отношения которых с господином регламентируются письменным соглашением (τῆς ἐγγράφου ἀσφαλείας), где определены обязанности крестьян; папирус отмечает, что виноградники, о которых идет речь, принадлежат крестьянам (τοῦ ἡμῶν κτήματος).

В отличие от общинников крестьяне, порвавшие в силу тех или иных причин со своими общинами и вступавшие в качестве индивидуальных арендаторов в определенные отношения с крупными земельными собственниками, оказывались в чрезвычайно тяжелых условиях. Аренда была здесь краткосрочной: как правило, договор заключался на один год (CP Rain. 32, 35—37, 40 и др.) и гораздо реже — на несколько лет; арендная плата постепенно возрастала и достигла к IV в. половины урожая (CP Rain. 42 и 44); в других случаях, арендатор гарантировал собственнику земли определенную уплату независимо от урожая (CP Rain, 35—37, 41, 45). Наконец, в ряде случаев арендатор заключал договор, срок которого определялся произволом господина (πρὸς οὐ βούλεσθαι χρόνον — P. Lond. 1689). Арендные отношения такого типа, вырастающие в конечном счете из разложения общины, коренным образом отличались от колоната в Италии и Африке.

В дальнейшем эти крестьяне — продукт разложения египетской общины — могли оказаться закрепощенными, превращенными в феодально-зависимое крестьянство. Однако в памятниках IV—VI вв. мы можем найти лишь тенденцию к развитию такого рода.

Положение γεωργοί в М. Азии и Сирии значительно отличалось от положения африканских coloni. Здесь, как правило, не имело места собственное «домениальное» хозяйство, которое вел владелец или кондуктор руками рабов; соответственно держания колонов возникали не на периферии поместья, а представляли собой структурно целостные поселения. Хорошо известные надписи из Арагви, Батокеки и других сел показывают, что восточные γεωργοί обязаны были вносить подати непосредственно сборщикам налогов (κολλητῶνες), и ничего не знают об их отработочных повинностях¹.

Как и в Египте, колонат в М. Азии и Сирии (а также, повидимому, и во Фракии) выросал не за счет рабовладельческих латифундий (как в Африке), но из старой эллинистической формы зависимости царских земледельцев. Поэтому прикрепленность крестьянина к его οἶκο, к общине не являлась здесь нововведением IV в., но существовала ранее. Многочисленные надписи говорят о наличии прикрепленности крестьян в III в. н. э.: крестьяне императорских доменов близ Филадельфии жаловались на тяжесть податей и грозили бегством²; точно так же о возможности бегства говорят в своей петиции крестьяне фракийской деревни Скаптопара (238 г.). Угроза бегства (φευξόμεθα) может быть понята только при наличии прикрепленности к общине. Поэтому закрепощение колонов при Константине и его преемниках не приводило к коренным переменам в положении малоазиатских, фракийских и сирийских крестьян.

Развитие колоната в этих областях шло по двум основным линиям. С одной стороны, потомки царских земледельцев попадают под власть частных лиц и становятся частновладельческими колонами. Однако и под частной властью азиатские колоны первоначально рассматривались лишь как плательщики податей (CI, XI, 50, 2), и поэтому господа не имели права требовать с них более значительные повинности, чем взыскивались прежде (CI, XI, 50, 1). Размеры повинностей определялись

¹ А. Б. Р а н о в и ч, Восточные провинции..., стр. 59 и др.

² См. перевод этого документа — А. Б. Р а н о в и ч, ук. соч., стр. 58 сл.

в соответствии с местными обычаями (*consuetudines praedii*) и не могли быть произвольно повышены (СІ, XI, 48, 23,1); при этом, как правило, они взыскивались в натуре (СІ, XI, 48, 5).

Частновладельческие колоны могли иметь собственную землю, помимо той, которую они держали от господина (СІ, XI, 48,4). Колон мог уйти с участка, если на нем сидел его отец, — и только после смерти отца его должны были призвать к отбыванию повинностей. Повидимому, об этой категории колонов говорит новелла Юстиниана 162,2, признающая, что вещи, приобретенные колоном, не являются пекулием, и допускающая, что колон может приобрести κτήσις ἰδία, что позволит ему стать самостоятельным земледельцем и перестать обрабатывать чужие земли.

Зависимое население восточных провинций могло приобретать свободу, превращаясь в мелких свободных землевладельцев. Н. В. Пигулевская обратила внимание на чрезвычайно важное сообщение Захария Митиленского, который рассказывает, что в 503 г. император Анастасий выкупил у Фомы, епископа Амидского, селение около города Дара, в Месопотамии. Всех *tautēbe* церковной земли император освободил и «утвердил за каждым его землю и двор»¹. Эти церковные *tautēbe* были, повидимому, потомками старых храмовых рабов или эллинистических париков, — теперь они получили освобождение.

Свободные работники и мелкие арендаторы нередко упоминаются в источниках, относящихся к истории римской Сирии. Талмуд описывает различные типы свободных работников: одни из них жили в доме господина и получали продовольствие, а иногда — продовольствие и одежду; другие были краткосрочными работниками, нанимавшимися для ирригационных и сезонных земледельческих работ; некоторые нанимались для жатвы, получая за это часть урожая². Иоанн Златоуст рассказывает о тяжелом положении свободных работников в Антиохии IV в.³

Повидимому, с III в. сирийские наемные работники и издольщики начинают заключать пожизненные договоры о найме и из прежних временных и сезонных работников превращаются в наследственных арендаторов⁴. Впрочем, эта картина эволюции является весьма гипотетичной. Во всяком случае, наличие значительной массы таких издольщиков и арендаторов в Сирии, как и в Египте, было результатом имущественной дифференциации в сирийских общинах.

Для понимания судеб крестьянства в восточных провинциях империи чрезвычайно большое значение имеет вопрос о патронате (патроцинии), который был распространен главным образом в Египте и Сирии. Исследователи патроната, опираясь преимущественно на законодательные источники, видят в нем могущественное средство закрепощения деревни, а сами деревни под патронатом считают крепостными⁵. Однако папирилогический материал, а также и некоторые иные источники заставляют нас усомниться в правильности такого понимания патроната.

Египетские папирусы, например Р. Оху. 2195 (577 г.), свидетельствуют, что египетский землевладелец извлекал из *prostasia* значительные доходы деньгами и хлебом, однако, как правило, не раскрывают характера власти патрона. Поэтому особенно важен папирус Русс. — Груз. III, 8 (IV в.), который рисует конкретные взаимоотношения между деревней

¹ Н. В. Пигулевская, К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии, стр. 152.

² Ю. А. Солодухо, ук. соч., стр. 42 слл.

³ М. R o s t o v t z e f f, The social and economic history of the Roman empire, 1926, стр. 245 и 566.

⁴ F. H e i c h e l h e i m, ESAR, IV, стр. 148.

⁵ См., например, «История Средних веков», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 23.

Евгемерия в Фауме и ее патроном — неким Нехо. Крестьяне под патронатом ведут себя отнюдь не как бесправные крепостные — в письме, написанном с большой смелостью, они решительно отвергают притязания Нехо, который требовал выдачи каких-то беглецов, нанесших вред его имуществу.

Наиболее подробные сведения о патронате мы находим в речи Либания «О патронатах» (Or. XLVII)¹. Либаний выделяет два типа патроната. В первом случае (Or. XLVII, 4—10) крестьяне большой деревни за пшеницу или за деньги покупают поддержку размещенных у них на постой солдат и при их помощи прогоняют сборщиков податей. Такая форма патроната отнюдь не может рассматриваться как начальный этап крестьянского закрепощения: наоборот, рассказ Либания свидетельствует о силе крестьянской общины, которая была способна оказать сопротивление сборщикам податей. О силе крестьянского сопротивления свидетельствуют многочисленные памятники — сошлюсь на P. Lond. 234 (от 346 г.), из которого явствует, что сборщики податей не рисковали появляться в селах без поддержки солдат, да и солдаты не очень охотно оказывали им помощь.

Вторая форма патроната, по словам Либания (Or. XLVII, 11), состоит в том, что колонны перестают платить ренту своему господину и отказываются выполнять повинности. Чтобы добиться этого, они отдаются под покровительство могущественного патрона. И эта вторая форма патроната не может рассматриваться как путь к закрепощению крестьян: речь идет лишь о перераспределении земельной собственности между различными группировками господствующего класса (см. особенно гл. 22)². Ведь крестьяне, о которых говорит Либаний, — не свободные землевладельцы, а колонны какого-то собственника, в течение нескольких поколений живущие на его земле; перейдя под патронат могущественного господина, они, собственно говоря, лишь меняют патрона, добиваясь при этом улучшения своего положения.

Разумеется, вопрос о патронате требует специального рассмотрения³; но если наше предположение верно, то следует считать, что патронат (на Востоке) наносил удар не свободному крестьянству, а муниципальному землевладению и что борьба против патроната в IV в. имела своей задачей защиту городских земельных собственников.

Развитие колоната нельзя рассматривать вслед за римскими юристами как единообразный процесс. Под колонатом римские авторы понимали и полупатриархальные формы зависимости в Галлии, и краткосрочную аренду в Италии, где колонны сплошь да рядом эксплуатировали труд рабов, и долгосрочную мелкокрестьянскую аренду в Африке, и зависимость бывших царских земледельцев в восточных провинциях империи. Все эти типы отношений развивались по-своему, однако в этом разнообразии можно наметить одну общую черту — укрепление экономически самостоятельного мелкого хозяйства. В процессе распада рабовладельческой собственности на Западе и государственной собственности на землю на Востоке укреплялась собственность непосредственного производителя на свое единоличное хозяйство, и тем самым создавались предпосылки для образования феодальной собственности. Колонны еще не были крепостными, но они были предшественниками средневековых крепостных.

¹ См. перевод в кн.: С. Шестаков, Речь Либания, Казань, 1912, стр. 167 слл.

² Либаний рисует яркую картину борьбы муниципальной знати против церкви, чиновников, военной аристократии — см. М. Я. Сюзюмов, Политическая борьба вокруг зрелищ..., стр. 102 сл.

³ Повидимому, специфическими чертами отличался патронат в Галлии.

Рассмотрение некоторых сторон развития аграрных отношений в Римской империи приводит к следующим выводам. 1. Развитие производительных сил создавало потребность в квалифицированном и заинтересованном работнике производства. 2. В результате этого производительные силы приходили в несоответствие с рабовладельческими производственными отношениями, порождая хозяйственный упадок, который был особенно острым в областях со значительным развитием рабского труда. 3. Рабовладельческая латифундия, расцвет которой приходится на I в. н. э., оказалась в дальнейшем экономически нерентабельной — наоборот, мелкое самостоятельное производство, по словам Ф. Энгельса, становится экономически наиболее выгодным. 4. Это приводит к тому, что основной тенденцией исторического развития становится укрепление мелкого самостоятельного хозяйства. В областях по Рейну и Дунаю эта тенденция приводит к укреплению экономического и политического значения *vicani*; в Италии и особенно в Африке она содействует усилению владельческих прав колонов; на востоке она подрывает корни старой системы государственной собственности на землю.

Укреплению экономической самостоятельности крестьянского хозяйства содействовало и то обстоятельство, что оно могло осуществлять воспроизводство рабочей силы в собственных пределах и не нуждалось в активной экспансионистской политике для пополнения рядов непосредственных производителей. Экономический кризис III в. и рост цен пошел, в конечном счете, на пользу крестьянскому хозяйству, ибо он приводил к натурализации империи. Наконец, медленное проникновение и расселение варваров на территории империи на первых порах содействовало укреплению мелкого землевладения.

Можно сказать, что экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил пробиравал себе дорогу в рабовладельческой Римской империи: рост производительных сил неминуемо должен был привести к разрушению рабовладельческих латифундий и торжеству мелкого производства. В условиях кризиса рабовладельческой системы хозяйства формировался из разнородных элементов класс мелких самостоятельных производителей — будущий класс средневековых крестьян.

Этот класс образовался в результате гигантской переплавки самых разнородных элементов. Сюда вошли и потомки эллинистических царских земледельцев, и придунайские *vicani*, и африканские *cultores mansiane*, и галльские колоны, и *servi casarii*; сюда влились и варвары-колонисты, оседавшие на римской территории.

Положение крестьянства к моменту падения рабовладельческого общества коренным образом отличалось от того, в котором крестьянство оказалось впоследствии в эпоху возникновения капитализма. Характеризуя положение крестьянства в период становления буржуазного общества, И. В. Сталин писал: «Крестьянство (речь шла об единоличном крестьянстве. — *Ред.*), несмотря на его многочисленность, является таким трудящимся классом, который связан с наиболее отсталой формой хозяйства, — мелким производством, ввиду чего оно не имеет и не может иметь большой будущности»¹. Совершенно иным было положение крестьянства в поздней Римской империи — в то время крестьянство являлось таким трудящимся классом, который был связан с наиболее передовой формой хозяйства — с мелким производством; крестьянство было таким трудящимся классом, который имел большую будущность и который действительно стал более чем на тысячелетие основным создателем материальных благ.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 15.

В связи с этим мне кажется необходимым пересмотреть нашу оценку той ожесточенной классовой борьбы, которая охватывает империю с конца II в. н. э. и которая приводит в конечном итоге к революционному крушению рабовладельческих отношений. Мы не можем рассматривать ее только как с о п р о т и в л е н и е колонов, рабов, бедноты наступлению крупного землевладения, только как реакцию на ухудшающееся положение трудящихся масс. Не податной гнет, не жестокости кондукторов, не злоупотребления чиновников (хотя все это, несомненно, имело место!) породили грозные народные движения конца империи. Движения народных масс не были только движениями отпора и обороны — это была н а с т у п а т е л ь н а я борьба, в ходе которой трудящиеся массы Римской империи, действуя стихийно и неосознанно, стремились расчистить дорогу новым производственным отношениям, соответствовавшим достигнутому уровню производительных сил. Движения трудящихся масс были прогрессивными — и они были прогрессивными именно потому, что защищали мелкое производство и открывали путь для поступательного движения общества.

Такова основная тенденция исторического развития во II—VI вв. н. э. Но было бы ненужным насилием над действительностью сводить все богатство конкретных явлений к одному единственному направлению. В ряде римских провинций в разное время рабовладельческое хозяйство переживало периоды кратковременного подъема, вытесняя патриархальные формы эксплуатации трудящихся: видимо, с этим обстоятельством связан известный подъем рабовладельческого хозяйства в Сирии, Египте и, может быть, в Галлии. В других областях колонат по тем или иным причинам не мог достигнуть значительного развития, и поэтому здесь на долгие годы установилась депрессия, длительный упадок хозяйства. Так было в Элладе и, повидимому, в Киренаике и в несколько своеобразных формах, — в Италии.

Господствующий класс рабовладельческого общества оказывал сильнейшее сопротивление новым прогрессивным тенденциям в экономическом развитии общества. С этой целью была использована мощная надстройка рабовладельческого общества. Укрепившееся во II и III вв. мелкое хозяйство было опутано прочной сетью податей. «Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных»¹. Господствующий класс стремился при помощи податного обложения присвоить не только прибавочный, но и часть необходимого продукта непосредственного производителя, обрекая его на нищету и голод. Христианская церковь с ее проповедью смирения и терпения, милостыни и нищеты была призвана к тому, чтобы задуть народные движения: отвергая народную *ἀναρχία*, церковь создавала монастыри анахоретов, где смиренная братия должна была трудиться на благо игумена; политические страсти и острую борьбу она призвала заменить унижающим человека вымаливанием милостыни.

Классовая борьба крестьянства и рабов развертывалась в труднейших условиях, и не раз рабовладельческая реакция торжествовала. Но в то же время трудящиеся массы приобрели нового союзника. Это были так называемые «варвары».

«Варварский» мир переживал в первые века н. э. процесс бурного роста производительных сил, который приводил здесь к распаду родовых связей, выделению родовой знати, формированию первых патриархальных форм эксплуатации. Окрепшие германские и славянские племена, консолидировавшиеся в племенные союзы, переходят в наступление против

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи . . . , стр. 153.

Римской империи. В ходе этого наступления выковывается союз «варваров» и трудящихся масс Римской империи, о котором постоянно говорят современники. Объединенные силы «варваров», колонов, рабов, крестьян опрокинули рабовладельческое общество — сперва на Западе, несколько позднее на Востоке¹.

Но победа крестьянства и варваров не привела и не могла привести к торжеству производственных отношений, основанных на сотрудничестве и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей, к утопическому обществу мелких собственников. Мелкое независимое производство с самого рождения несет в себе источник собственного порабощения: в недрах рабовладельческой формации и в недрах разлагающегося «варварского» мира созрели те силы, которые уничтожат затем свободное крестьянство и крестьянскую собственность. Только на короткое время — между римским колоном и новым крепостным — ведущей фигурой в деревне оказался свободный крестьянин — франкский, лангобардский, славянский, а рядом с ними и римский, созданный всем общественным развитием II—VI вв. Если в V и VI столетиях деревенская верхушка еще немногим отличалась от рядового крестьянства, вместе с ним страдала от податного гнета рабовладельческого государства и вместе с ним выступала против этого государства, то в дальнейшем из этих преуспевающих аллодистов формировался тот класс феодалов, который присвоил себе плоды победы крестьян и рабов. В этот класс вливалась и родовая знать варварских племен, и военные командиры, и чиновники, и остатки сенаторской аристократии². В конечном итоге этот общественный переворот привел не к уничтожению всякой эксплуатации, но к уничтожению данной формы эксплуатации, к отмене рабовладельческой формы эксплуатации трудящихся.

¹ См. З. В. Удальцова, Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами», в кн.: «Прокопий из Кесарии, Война с готами, М., 1950, стр. 5 сл.

² Вопрос о том, как в период раннего средневековья формировались классы нового феодального общества, должен составить предмет специального исследования.